

9

И-33

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

ТОМ II N 5

BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES

SÉRIE HISTORIQUE ET PHILOSOPHIQUE

Российский Инн культуры
и народного наследия
Библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1945 MOSCOU

1625

ПРОБЕ

Редакционная коллегия:

академик **В. П. ВОЛГИН** (*отв. редактор*), академик
Б. Д. ГРЕКОВ, академик **А. М. ДЕБОРИН** **Е. М. ЖУКОВ**,
В. И. СВЕТЛОВ, **С. П. ТОЛСТОВ**,
В. В. АЛЬТМАН (*отв. секретарь*)

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
П. С. Попов — Логика Аристотеля и логика формальная	301
Б. Ф. Поршнев — Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны	319
А. Ф. Миллер — Рамиз паша в России	341
Н. А. Машкин — Из истории римского гражданства	359
Н. Н. Воронин — Тверское зодчество XIII—XIV веков	373

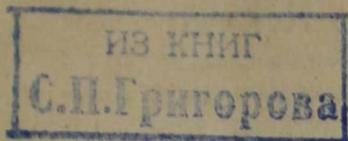
Авторефераты. Рецензии

Н. Н. Розенталь — Социальные основы языческой реакции императора Юлиана	387
Б. Н. Заходер — «Книги и люди»	391

Хроника

Адрес редакции: Москва, Волхонка,
Те.

16/271625 K
Z

П. С. ПОПОВ

ЛОГИКА АРИСТОТЕЛЯ И ЛОГИКА ФОРМАЛЬНАЯ

В настоящее время, когда у нас со всей серьезностью поставлен вопрос о преподавании логики в вузах и средней школе,— важно принципиально и по существу решить: какая же логика должна преподаваться? Значение логики недиалектической, или, так сказать, додиалектической, несомненно, но как понимать эту додиалектическую логику? Следует ли возвращаться к старым схемам и установкам логики формальной?

Формалисты любят ссылаться на Аристотеля как на творца логики, когда речь заходит о составе и направлении элементарного курса логики. Формальная логика пошла от Аристотеля, основоположника логики вообще. Чего же еще искать? Никакой элементарной логики не может быть вне сферы чистого формализма.

Элементы логики Аристотеля прекрасно развивают мышление. Выпущенное специально с педагогическими целями еще в прошлом столетии пособие «Elementa logices Aristoteleae» — подлинная школа логической мысли и вместе с тем весьма эффективная тренировка ума.

Но верно ли, будто элементы логики Аристотеля всецело оправдывают позиции логики формальной? Уже самая последовательность в указанном руководстве классических отрывков из логических произведений Аристотеля, дважды изданных в советское время¹, показывает, что подбор и систематизация логических высказываний Аристотеля не шли по линии формалистической.

Чистый формализм стремится рассматривать элементы мысли в отрыве от объекта, т. е. не учитывая того, что мысль с ее формами прежде всего есть отражение окружающего материального мира. В связи с этим формальные элементы начинают трактоваться чисто субъективно, без соотношения с внешней природой, материальным миром, подлинная же логика должна быть логикой объективной. В самом деле,— субъективное или субъектное (а таковой является мысль, как необходимо принадлежащая субъекту) для раскрытия своих познавательных функций должно находиться в непрерывном соотношении с объектом знания, с внешним миром; лишь тогда суждения, доказательства и т. п. будут иметь познавательный смысл, будут выполнять познавательную функцию и отображать реальные связи природы, материального мира. «В обычной логике формалистически отделяют мышление от объективности»,— пишет Ленин², и ниже: «Очень глупо и умно! Законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека».

¹ Последнее издание: «Античная философия (фрагменты и свидетельства)»; под ред. Г. Ф. Александрова, М., 1940, стр. 140—160.

² Ленин. Философские тетради, М., 1938, стр. 177.

Известна основная установка Ленина в отношении Аристотеля. Аристотель, согласно глубокой ленинской интерпретации, колеблется между идеализмом и материализмом¹. Как это отражается на решении второго, познавательного вопроса философии? Вопрос этот сводится к следующему: как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? Сюда входит и основная проблема логики: формы мысли имеют только субъективное или также и объективное значение? В связи с этим объективизм в логике соответствует материализму в решении основного философского вопроса, а чистый формализм, в конечном счете субъективизм, — идеализму. Выявление объективных моментов логики Аристотеля будет идти рука об руку с указанием элементов материалистических в мысли Стагирита, — тогда можно будет произвести отсев моментов идеалистических у Аристотеля.

Идеалистические интерпретаторы стремятся истолковать Аристотеля чисто формалистически. В этом и есть скрадывание у Аристотеля материалистических моментов его философии. Кант в своей формальной логике стремится дать обзор логических принципов, как они сложились со времен Аристотеля, которого он считает отцом логики. Не усматривая материалистических, объективных основ логики Аристотеля, Кант расценивает ее так: «Его трактовка весьма схоластична и сводится к развитию самых общих понятий, лежащих в основе логики, от чего, однако, вся польза в том, что отсюда извлекаются обозначения различных рассудочных действий, так как почти все он сводит к пустым тонкостям». И далее Кант утверждает, что со времени Аристотеля логика мало чем обогатилась, так как это материал, чисто формальный².

Поскольку Аристотель выставил ряд бесспорных правил, касающихся силлогистики, впервые и вместе с тем безупречно сформулировал основные фигуры силлогизма, он тем самым дал материал и для логики формальной, но было бы совершенно ошибочно и опрометчиво утверждать, что он стоит всецело на формальной точке зрения и что материя познания его не интересует. Наоборот, можно смело утверждать, что логика Аристотеля связана с его онтологией и базируется на принципах его общефилософских взглядов.

Сейчас мы постараемся показать, какова объективистическая установка классической логики Аристотеля и как она постепенно извратилась в руках логиков-схоластов и формалистов.

Разберем элементы антиформалистических принципов логики Аристотеля по пунктам, — сопоставляя с установками наиболее типичной формальной логики — кантовской; в отдельных случаях в качестве материала мы будем привлекать также логику Гербарта и Дробиша.

I

Возьмем, прежде всего, внешний состав и порядок формальной логики. Он определяется последовательностью трех преемственных отделов: 1) понятие, 2) суждение, 3) умозаключение.

Логика, базирующаяся на теории познания и в конечном счете на основах формального, материального мира, твердо держится той точки зрения, что главный вопрос логики тесно связан с моментом истинности, — следовательно, отправным пунктом логики является суждение; в самом деле, притязание на истину предполагает различение между истиной и ложью, а это устанавливается суждением. Таким

¹ Ленин. Философские тетради, М., 1938, стр. 291.

² Im. Kants Logik, erläutert von Kirchmann, 1870, S. 22.

образом, все, что можно сказать относительно знания, суммируется в положении: знание есть суждение, есть утверждение.

Аристотель по существу начинает с проблемы суждения. Он учит так: «То, где встречается и ложь и истина, представляет собою соединение понятий, как бы составляющих единство»¹. Ложь и истина обнаруживаются в отношении соединений и разъединений. В самом деле, имена и высказывания, взятые по себе, подобны понятию без соединения и разделения, как, например, «человек» или «белое», когда к ним ничего не присоединено; ибо здесь — ни ложь, ни истина. Признак же этого таков: ведь и полукозел-полуолень нечто обозначает, но это ни истинно, ни ложно, если не будет присоединено «существует» или «не существует»². И в дальнейшем Аристотель производит отбор, выделяя суждение в целях логического анализа. Он говорит: «Всякое предложение нечто обозначает, ... но не всякое предложение является суждением (*ἀποφαντικός*), а только то, где имеется истина или ложь».

И в своей «Метафизике» Аристотель выставляет прямо материалистическую теорию суждения: «Таким образом прав тот, кто полагает разделенное разделенным и связанное связанным, заблуждается же тот, чьи мысли идут вразрез с вещами»³; *ἢ τὰ πράγματα* прямо указывает на материальный, действительный мир, на объективный его состав. В другом месте «Метафизики» читаем: «Истина может быть достигнута только в том случае, когда утверждение относится к соединенному бытию»⁴.

Диаметрально противоположная установка дана Кантом в его формальной логике: «Так как логика отвлекается от всякого реального или объективного различия познания, то заниматься материей суждений она может столь же мало, как и содержанием понятий. Следовательно, она может принимать в соображение различие суждений исключительно в отношении одной их формы».

Если положение Аристотеля о соединении и разъединении отдельных понятий перевести на язык современной логики, то это будет значить, что логическое исследование начинается только с той формы, которая называется суждением, а в грамматике предложением. Итак, отправным пунктом логики Аристотеля является суждение (*ἀποφαντικός*).

Вспомним Ленина в знаменитом его отрывке «К вопросу о диалектике»: «Начать с самого простого, обычного... с предложения любого»⁵.

Прямо обратный путь у логиков формальной школы: они идут от понятия к суждению; для них вопрос истинности, реальной истинности, значения не имеет; проблема понятия ими трактуется отвлеченно, абстрактно.

II

Если проблема суждения стоит у Аристотеля на первом месте, значит ли это, что для него вопрос о понятии и его структуре не включается в сферу логического обсуждения? Ни в какой мере. Наоборот, — в аристотелевой логике понятие играет гораздо более существенную и, так сказать, продуктивную роль по сравнению с логикой формальной. И здесь опять-таки характерное и очень определенное отличие логики аристотелевой и формальной.

¹ «О душе», 6, стр. 430a27.

² «Об истолковании», гл. I, 16a12.

³ «Метафизика», IX, 10, 1051b3.

⁴ «Метафизика», VI, 4, 1027b20.

⁵ Ленин. Философские тетради, стр. 326.

Учение о понятии восходит к основам онтологии Аристотеля и в духе аристотелева объективизма радикально разрывает с платоновской концепцией идеи. Аристотель протестует против отделения (*χωρίζειν*) идеи от действительности, протестует против установки, будто идеи — самостоятельные субстанции в отрыве от индивидуальных вещей. Сущность по Аристотелю имманентна отдельным предметам. «Из того, что имеется научное доказательство, нельзя обязательно заключать, будто должны существовать идеи или единое вне многих отдельных вещей и наряду с ними, но с неизбежностью следует, что существует нечто единое в отношении многих отдельных вещей». Знаменитое аристотелевское выражение: *τὸ τί ἦν εἶναι* как раз обозначает такую имманентную сущность: это и есть самая суть¹. Такая суть вовсе не есть простое родовое обобщение, это не есть качество, не имеющее никакого отношения к сущности, но это есть целостная сущность, заключающая в себе и родовой признак, и видовое отличие².

Ярко выражена эта характеристика логики понятия по Аристотелю, как концепции объективистической, у Прантля в его «Истории логики на Западе». Он прямо говорит, что познавательное начало и принцип бытия у Аристотеля совпадают. «Мы сейчас увидим, что этим общим началом является у Аристотеля «понятие», и именно лишь понятие и ни что другое составляет основу логики Аристотеля; понятие же материально опосредствует знание, формально — мысль; в качестве «созидающего понятия» оно содержит основное положение Аристотеля о развитии, т. е. о переходе от потенциального к актуальному, в этом коренится неразрывное единство логики и онтологии, это — основной столп того и другого, благодаря ему и логика раскрывается в своем живом развитии»³.

Вспомним Ленина: «Образование (абстрактных) понятий и операции с ними уже включают в себе представление, убеждение, сознание закономерности объективной связи мира»⁴.

Как же учит Аристотель о понятии и об его определении? В «De соelo» мы читаем: «Понятие свидетельствует о явлениях, явления же подтверждают понятия»⁵. В трактате «О душе» Аристотель говорит так: «Определение должно вскрыть не только то, что есть, как это делается в большинстве определений, но определение должно заключать в себе и обнаруживать причину. В настоящее время свели определения к простым выводам из посылок. Например, что такое квадратура? Построение равносторонней прямоугольной фигуры, равной неравносторонней. Такое определение дает лишь вывод. Утверждающий же, что квадратура есть нахождение средней пропорциональной линии, обозначает причину действия (*αἰτίον*)»⁶.

А из «Второй аналитики» мы знаем, что «причина есть среднее понятие, и это среднее понятие ищется во всем»⁷.

Для Аристотеля определение — то же умозаключение, лишь с невыявленным средним термином. Но этот средний термин, иначе говоря, — причина должна обосновывать определение, в противном случае определение вырождается в абстрактный набор признаков.

¹ «Метафизика», VII, 7, стр. 1932b14.

² Ueberweg Fr. System der Logik, 1874, S. 120.

³ Prantl C. Geschichte der Logik im Abendlande, S. 104.

⁴ Ленин. Философские тетради, стр. 173.

⁵ «О небе», I, 3, 270b4.

⁶ «О душе», II, 2, 413a13.

⁷ «Вторая аналитика», II, 2, 90a6.

Каким образом сочетаются у Аристотеля выявленные нами словно бы разногласящие установки: с одной стороны, убеждение в неотторжимости знания от суждения, поскольку только суждение имеет дело с истинностью, понятие же, как таковое, отношения к истине, знанию, не имеет; с другой стороны — взгляд, что понятие и определение составляют самую суть, подлинное познавательное начало всякого знания? Вспомним опять-таки Ленина и его исходные позиции в вопросе диалектики: «Начать с самого простого, массовидного, с предложения любого: листья дерева зелены, Иван есть человек, Жучка есть собака». Значит ли это, что сферой отдельных предложений, эмпирических констатаций и ограничивается знание, ограничивается диалектика? Нет. Предложение есть основная «ячейка», по формулировке Ленина. В этой ячейке мы постепенно открываем объективные связи природы, обнаруживаем категории в их взаимодействии с органической обусловленностью. Мы должны начать с эмпирически данного, мы должны считаться с первоначальной «ячейкой». Но это не значит, что дальше опытной установки мы не пойдем. Исходная позиция не есть конечный результат, правильно избранная база еще не предопределяет структурного состава того знания, которое будет опираться на данные основы. Вне пределов суждения, по Аристотелю, не может быть никакого вопроса о знании, но в пределах самого суждения мы раскрываем его структурный состав. Суждение, или, вернее, развернутое суждение, в форме вывода должно уловить сущность : ($\rho\upsilon\sigma\iota\alpha$), сущность охватывается понятием, понятие же раскрывается в определении. Для формальной логики определение есть набор признаков, значащихся в понятии. Для Аристотеля определение сродни умозаключению, определение раскрывается в форме суждения; когда логика присоединяет отдел определения к отделу о понятии, то часто забывается, что определение есть двучленный синтез, что определение есть суждение, в котором определяемое соответствует субъекту, определяющее — предикату. Определение есть функция суждения, гезр. вывода, а не понятия. Если же связывать определение с понятием, то надо брать понятие как средний термин, как орудие знания, как то начало, которое улавливается и раскрывается в суждении. Суждение выявляет понятие, а не простое сочетание готовых понятий в их связи образует суждение. Через суждение можно и должно усвоить и раскрыть природу понятий, а не наоборот, — через комбинацию понятий мы не выявим познавательной функции суждения.

Критикуя выхолощенное истолкование функции понятий у формалистов-логиков, Гегель, применяя свой метод, дает новое, диалектическое осмысление. Для него всеобщее «проникает» в свои моменты и заимствует из них свою полноту. Только таким путем мог Гегель превратить формальную логику в диалектическую, когда понятия перестают быть застывшими определенными содержаниями сознания, а оказываются прежде всего конкретным процессом самораскрытия.

И для Аристотеля понятия не могли быть «застывшими определенными содержаниями»; наоборот, нахождение среднего термина составляет самое жало развития и движения мысли; таким образом, всякое понятие растет и обогащается.

В полном контрасте с только что приведенным, Кант в своей формальной логике учит: «Так как общая логика отвлекается от всякого содержания познания посредством понятий или от всякой материи мышления, то она может оценивать понятие лишь в отношении его формы, т. е. лишь субъективно, не как оно определяет с по-

мощью признака объект, а как оно может соответствовать многим объектам»¹.

Истолковывая принцип логики Канта как формальный, Штекельмахер в специальной работе «Формальная логика Канта» так характеризует учение о понятии с формальной точки зрения: «Как понятие возникает по своему содержанию, об этом формальная логика не спрашивает; о чем она спрашивает и вправе спрашивать, — это: как создается то аналитическое единство, согласно которому при одном и том же сознании, находящемся во многих представлениях, многие различные объекты могут мыслиться одной мыслью»². «Формальная логика может и должна взять на себя только объяснение чисто формальной и дискурсивной стороны формы понятия; если же ставится вопрос, как форма возвышается до достоинства быть формой выражения объективного положения вещей, и представлять необходимую репродукцию многообразных явлений, то она скромно указывает на логику трансцендентальную»³.

Поэтому можно согласиться с знатоком логики Аристотеля Тренделенбургом: «Формальная логика обычно предполагает в готовом виде понятие с его признаками и выводит его из данного. Аристотель в труднейших местах своих логических писаний с большей тщательностью, чем любая формальная логика, занят тем, как создается подлинное понятие»⁴.

Таково отличие учения Аристотеля о понятии в сопоставлении с позицией формальной логики.

Можно ли, однако, сказать, будто Аристотель разработал понятие так, что оно соответствует современным установкам логики диалектической? Нет, ибо диалектика понятий не была им усвоена, он только стихийно наметил на нее. Здесь сказывается ограниченность Аристотеля, остававшегося, порою, на платоновских, метафизических позициях. Таков и конец XVI главы VII книги «Метафизики» Аристотеля, в которой Аристотель доказывает, что, поскольку идеи принимаются за сущность, им вполне правомерно приписывается самостоятельное, вечное бытие. Как раз по поводу данного отрывка Ленин и пометил: «Путается человек именно в диалектике общего и отдельного...»⁵.

III

Еще ярче отличие даваемых Аристотелем формулировок законов мышления по сравнению с толкованиями этих законов, выставляемыми формалистами-логиками.

Мы остановимся на одном законе — законе противоречия.

Прежде всего, показательное место, откуда мы можем извлечь этот закон из Аристотеля.

Раскроем § 9 «Элементов логики Аристотеля» и увидим, что наиболее четкие формулировки закона противоречия даны Аристотелем в IV книге «Метафизики». Следовательно, для него этот закон имеет прежде всего бытийное, онтологическое значение. Основная формулировка такова: «Невозможно, чтобы тому же самому то же самое в том же отношении одновременно принадлежало и не принадлежало». Этот

¹ Im. Kants Logik, S. 101.

² Steckelmacher M. Die formale Logik Kants, Breslau, 1879, S. 16.

³ Ibid., p. 17.

⁴ Trendelenburg A. Logische Untersuchungen, 1870, I, S. 30.

⁵ Ленин. Философские тетради, стр. 333.

закон после Аристотеля стали выражать и буквенно: « A не есть $\text{non-}A$ ». Или: «Если A есть B , то A не есть $\text{non-}B$ »¹. Словесно такое выражение закона можно сформулировать так: ни одной вещи не принадлежит предикат, ей противоречащий. Обратим внимание на то, что все эти формулировки сомнительны. « A не есть $\text{non-}A$ » — не составляет чего-либо нового по сравнению $A = A$, а представляет формулировку, которая невольно составляется, когда мы не соблюдаем закона тождества.

Формула: «Если A есть B , то A не есть $\text{non-}B$ » становится зыбкой, если иметь в виду, что, поскольку мы приписываем известный признак субъекту A , то все, идущее вразрез с этим признаком, составляет многообразие всего существующего помимо этого признака. Если камень бел, то под $\text{non-}B$ («не белым») мы можем разуметь всевозможные незрительные признаки — осязательные, мускульные и т. п. И твердость относится к группе « $\text{non-}B$ », т. е. не белого. Что же? Значит ли это, что кроме приписывания белого цвета мы не вправе ничего говорить о камне, а обречены на то, чтобы оставаться в узких пределах раз высказанного суждения, при этом не будет учитываться и то, что белизна есть признак весьма переменчивый и весьма относительный: в темноте и серый камень кажется белым. Такое узкое, формалистическое понимание закона не будет ли лучше всего свидетельствовать о неизбежности шага, сделанного диалектикой, согласно которой всякое расширение знания есть неизменное опрокидывание закона противоречия?

Между тем формулировка Аристотеля гораздо более неуязвима. Нельзя одновременно в одном и том же отношении утверждать, что камень бел и не бел. Верно то, что камень может казаться белым ночью при луне и серым днем при дожде, но этого закон и не оспаривает. Верно то, что на черной земле камень будет выделяться, как белый, а на желтовато-сероватом песке или песчаном берегу затеряется. Но ведь у Аристотеля и сказано: в одном и том же отношении. Между тем — по сравнению с черной землей дело может обстоять иначе, чем на фоне песчаного берега. Формула Аристотеля не претендует на то, чтобы не допускать осуществления противоречий в процессе развития знаний, но говорит лишь о том, что в каждый отдельный момент понятие должно находиться перед нашим умственным образом в составе непротиворечивом.

Формалисты захотели очистить закон, заподозрив формулировку, данную Аристотелем; фактически они выхолостили его и сделали его сомнительным.

Определяющим здесь было желание исключить малейший намек на содержание, на нечто конкретное. Кант рассуждал так, критикуя формулу Аристотеля²: «Невозможно, чтобы что-либо в одно и то же вре-

¹ Ср. Drobisch. Neue Darstellung der Logik, § 59.

² К сожалению, вслед за Кантом некоторые интерпретаторы Аристотеля склонны были видеть в привнесении элемента времени «слабую сторону» формулировки Аристотелем законов мышления (Бобров Е. Логика Аристотеля. Исторический и критический этюды. Варшава, 1906). Наиболее четко в данном вопросе ориентирует классический интерпретатор и лучший знаток текстов Аристотеля — Бонитц. В своем комментарии к «Метафизике» по вопросу о значимости закона противоречия он формулирует так: «Aristoteles de rebus agit, logica formalis — de notionibus» («Аристотель говорит о вещах, формальная логика — о понятиях»). Для лиц, изучающих текст Аристотеля по-русски, есть опасность, что содержательный момент при формулировке закона противоречия останется незамеченным ввиду того, что перевод данной формулировки представлен в расплывчатом, нечетком виде. «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле» (перевод А. В. Кубицкого: Аристотель. Метафизика, 1934, стр. 63). Что значит вместе? Это выражение только путает понятие подлежащего «одно и то же», словно бы взятого «вместе». Наряду с этим излишен союз «и» перед «в одном и том же смысле»; получается подряд три

мя существовало и не существовало». Во-первых, по мнению Канта, в этом положении является излишним выражение аподиктической достоверности, которая сама собою должна подразумеваться в нем, и, во-вторых, оно подчинено здесь условию времени. Однако закон противоречия, как чисто логическое основоположение, не может быть ограничен в своем значении условиями времени, поэтому такая формула не соответствует его цели. Такова мысль Канта. Если я говорю: «человек, который не образован, не есть образованный человек», то, по Аристотелю, я должен прибавить здесь «в то же самое время», так как человек, необразованный в одно время, вполне может быть образованным в другое время. Такая «эмпирическая» установка для формалистов неприемлема. По мнению Канта, следует формулировать так: «Всякий необразованный человек необразован», тогда мы получаем суждение аналитического характера, потому что в нем признак необразованности входит теперь в понятие субъекта, и в таком случае это отрицательное суждение обладает непосредственной очевидностью на основании закона противоречия без присоединения условия «в то же самое время».

Так рассуждает Кант. Между тем как раз к формулировке: «всякий необразованный человек необразован» в высшей степени подходят слова Ленина: «Формы (мышления) если рассматривать их, как «формы, отличные от содержания и лишь присущие ему», неспособны охватить истину. Пустота этих форм формальной логики делает их достойными «презрения» и «насмешки». Закон тождества, $A = A$ — пустота «невыносимая»¹.

IV

Переходя к вопросу оценки и значения силлогизма в логике Аристотелевской и формальной, приведу отзыв Целле, автора специального исследования об отличии позиций Аристотеля и Канта, причем отмечу, что сам Целле стоит на точке зрения Канта, а Аристотеля критикует. Целле говорит так: «В то время как логика Канта отвлекается от всякого материального состава знания, Аристотель не уединяет учения о форме мышления от учения о бытии, обнаруживающемся в мысли, от предмета, усвояемого мыслью. Рассмотрение реальное связывается у него с рассмотрением формальным, εἶναι приравнивается им к κατηγορεῖσθαι, формы мысли разрабатываются у него с учетом знания, на них опирающегося, так что и в этом учении, которое наиболее склоняется к формализму, в учении о выводе средний термин раскрывается как реальное основание»².

Мы уже приводили тексты Аристотеля, связанные с вопросом отыскания среднего термина, как основания вещей. Позднейшая силлогистика абсолютно игнорировала эту сторону учения Аристотеля о силлогизме и среднем термине. Она подробно вскрыта Стагиритом во второй главе второй части «Второй аналитики», где он рассуждает так: «Когда мы исследуем, что собою представляет нечто, а равно существует ли оно вообще, то мы заняты разысканием, имеется ли для этого средний термин. Если мы убедились в том, каково нечто и что оно вообще существует, то мы обращаемся к вопросу, зачем оно и

равноправных «и», чего нет в греческом тексте. Совершенно корректно эта формула переведена Б. А. Фохтом, потрудившимся над *Elementa logices*. Он передает так: «Невозможно, чтобы тому же самому то же самое в том же отношении одновременно принадлежало и не принадлежало» («Античная философия», стр. 142); но в том же издании дан также мало вразумительный перевод Кубицкого, стр. 118.

¹ Ленин. Философские тетради, стр. 94—95.

² Zelle Fr. *Der Unterschied in der Auffassung der Logik bei Aristoteles und bei Kant*, S. 26.

изучение истории Юлиана до сих пор всецело оставалось в руках ученых идеалистического толка, никто из исследователей даже не поставил вопроса о закономерной связи между всеми сторонами юлиановской деятельности. С этой точки зрения очень показательна большая специальная статья Вильгельма Энцилина, опубликованная в 1922 г. в журнале «Клио». Энцилин называет три главных дела Юлиана: его энергичную защиту границ империи, его заботливое и справедливое управление и, наконец, его религиозную политику¹. Выражая Юлиану свое искреннее сочувствие за первое и второе, немецкий ученый-эkleктик считает последнее роковой ошибкой, находящейся в решительном противоречии с достижениями языческого императора как полководца и правителя.

Понять историческую закономерность деятельности Юлиана во всем ее целостном единстве может только марксистская, диалектико-материалистическая мысль. Юлиан политик, законодатель и борец с христианством станет ясен для нас, если мы вскрыем социально-экономическую подоплеку его мероприятий, органически связанную с определенной системой мировоззрения. Обширный материал для этого дают не только непосредственные произведения самого Юлиана — его сочинения, речи, письма и законы, но также многочисленные и разнообразные свидетельства его современников.

В IV в. население Римской империи разделялось в основном на три социальные группы. Наверху находились крупные магнаты — землевладельцы, эксплуатировавшие труд рабов и колонов и составлявшие правящее сенаторское сословие — *ordo senatorius*². Низшим слоем общества были рабы и все более сближавшиеся с ними другие эксплуатируемые трудовые элементы. Кроме того, оставалась еще масса мелких и средних собственников, возглавлявшаяся провинциальными декурионами и быстро приходившая вместе с ними в глубокий упадок вследствие гнета государственных поборов и повинностей.

Интересы господствующей социальной верхушки охранялись римской государственной машиной, получившей в период доминанты, главным образом при Константине, характерные формы военно-бюрократической деспотии. Укрепляя устои своей власти, Константин и его сыновья заключили тесный союз с официальной христианской церковью, которая в то время была не только как небо от земли далека по своей идеологии и организации от примитивных демократических общин ранних

христиан¹, но и враждебно противостояла многочисленным современным ей последователям Христа, которых она называла еретиками. Эта, признанная римским правительством, официальная церковь не замедлила сделаться при христианских императорах таким же оплотом государственно-порядка, как бюрократия и армия.

Включение христианской церкви в систему римского государства, естественно, должно было сопровождаться, с одной стороны, быстрой христианизацией всех господствовавших в поздней империи социальных элементов, с другой — постепенным слиянием религиозной оппозиции официальному христианству с гражданской оппозицией государственному режиму эпохи доминанты. В частности, упорная преданность старинным языческим культам сделалась своеобразным выражением протеста идеологов приходившего в упадок свободного античного гражданства разорявшим и деморализовавшим его новым формам самодержавно-бюрократического управления.

Анализ дошедших до нас высказываний представителей языческой интеллигенции IV—V вв. позволяет нам с достаточной ясностью выявить ее общественные и политические взгляды. Как сам Юлиан, так и его единомышленники были решительными противниками алчных богачей (*oi plousioi*) и горячо сочувствовали беднякам (*oi penetes*), лишившимся своего благосостояния вследствие «ненасытности крупных владельцев» (*«toiv hektemevon aplousia»*)². Языческие писатели с горькой иронией отзываются о современных им позднеримских сенаторах, которые, — по их словам, — думали только о материальных наслаждениях, совершенно позабыв о том, что основатели могущества Рима жили в скромной и непритязательной простоте³. В глазах Аммиана Марцеллина богатство и пышность органически несовместимы с доблестью: «Ambitiosam mensam fortuna parsam virtus apponit!» «Magna cura cibi, magna virtutis incuria!» («Кто слишком заботится о хлебе, тот пренебрегает добродетелью») — с убеждением восклицает он.

Отрицательно относясь к развитию крупной частной собственности, разьедавшей общинные основы античного муниципального строя, приверженцы гибнувшей старины, разумеется, не могли примириться и с новыми формами государственного управления. У языческих писателей того времени постоянно повторяются резкие выпады против бюрократических порядков и отдельных могущественных чиновников. Достаточно вспомнить борьбу, которую вел Либаний в защиту своего родного города — Антиохии с различными консуларами Сирии и комитатами Востока. В этой

¹ W. Enzlin. Kaiser Julians Gesetzgebungswerk und Reichsverwaltung. «Klio». Bd. XVIII, Heft 1—2, 1922, S. 198.

² Яркий материал, характеризующий политическое господство этого сословия в поздней Римской империи, приведен в старой книге Ch. Lecivain «Le sénat romain depuis Dioclétien à Rome et Constantinople», 1888. См. особ. Ch. VII, § 1 — «Tyranie des nobles».

¹ См. Энгельс. К истории раннего христианства. Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 419.

² Julian. Epistolae 89 b, 290 A; ed. Didez, p. 157.

³ См. особенно книги XIV и XXVIII «Истории» Аммиана Марцеллина.

¹ Ammian Marcellin, XVI, 5, 1—2.

борьбе антиохийский ритор подчас поднимался до уровня подлинного народного трибуна, печальника за широкие круги измученного фискальными поборами и задавленного административным произволом населения. Знаменитая 45-я речь Либания — « Περὶ δεσποτῶν » (о заключенных) — может быть признана одним из самых выдающихся памятников античного гуманизма.

Поздняя Римская империя, ослабленная бедственным положением народных масс и острыми внутренними противоречиями, была не в состоянии вести активную внешнюю политику. Ее границы подвергались непрерывным и большей частью безнаказанным вторжениям варваров. От политической мысли идеологов языческой реакции отнюдь не ускользнула связь между ликвидацией античных республиканских традиций и прекращением победоносных войн с соседними народами. В эпоху доминанты римские армии предназначались главным образом для того, чтобы воевать против своих сограждан (*in suos*), а не против внешних врагов (*in hostes*)¹.

Вскрывая объективные социальные корни оппозиционности непримиримых приверженцев язычества, можно заметить, что их вражда к христианской церкви была в значительной степени обусловлена тем ведущим положением, какое она заняла среди крупнейших собственников и руководящих кругов поздней империи. О роскошной жизни римских пап и всевозможных выгодах, связанных с обладанием доходными епископскими кафедрами, Аммиан Марцеллин говорит с таким же едким сарказмом, как и о нравах презираемой им сенаторской аристократии².

Юлиан вступил в ряды поборников языческой реакции вследствие того, что в молодые годы он испытал на самом себе тягостное чувство тоски по прошлому и неудовлетворенности настоящим. В семилетнем возрасте он лишился отца и почти всех своих родственников, убитых по указанию императора Констанция, и после того был вынужден долго вести подневольную, печальную жизнь. В этих условиях он по необходимости находил себе утешение главным образом в книгах, обладание которыми сделалось для него уже с детства величайшей страстью *ἐμοὶ δὲ βιβλίων κτήσις δεῖνός ἐντέτρεχεν πόθος*. Позднее, когда у Юлиана появилась возможность самостоятельного общения с людьми, он, естественно, стал выбирать себе близких среди таких же, как он, ущемленных судьбою!

Придя к власти, сперва в качестве подчиненного правителя Запада и затем — единодержавного императора, Юлиан стал последовательно проводить программу своих политических единомышленников. Выдающийся полководец, он разгромил германцев и организовал беспримерный по грандиозности со времен Траяна завоевательный поход против персов. Основной целью его внутренней политики было воз-

рождение находившейся в глубоком упадке массы мелких и средних граждан, организованных вокруг муниципальных курий. Либаний определял эту цель как «*εὐπραγία τὰς πόλεις*», (счастье городов)¹, а сам Юлиан выражал ее словами — «*τὸ κοινῇ τοῖς πολίταις συμφέρον*» (общая польза граждан)².

Если принять во внимание, что Юлиан самостоятельно правил всего лишь полтора года, то нельзя не заметить, как много он успел сделать за такое короткое время. Его важнейшие мероприятия могут быть, примерно, сгруппированы по следующим четырем разделам:

1. Ограждение населения от вымогательств фиска.

К этой категории юлиановских действий должны быть прежде всего отнесены:

закон от 14 февраля 362 г., установивший ответственность фискальных чиновников;

закон от 22 февраля 362 г., жестко ограничивший право чиновников пользоваться транспортными средствами населения;

закон от 24 июня 362 г., избавивший города от обременительного налога, известного под названием «коронного золота» (*aurum coronarium*).

К указанным общим законодательным актам нужно добавить ряд аналогичных мероприятий Юлиана: облегчение поставок на армию, различные податные льготы куриалам, планомерное снятие недоимок и систематическое уменьшение тяжести налогов. Все эти реформы, улучшавшие положение массы налогоплательщиков, оказались возможны главным образом благодаря тому, что Юлиан радикально сократил штаты придворных служащих и совершенно отказался от всякой царственной роскоши. По свидетельству Либания, подтверждаемому также христианскими авторами, у Юлиана было только 4 секретаря и 17 курьеров, тогда как его христианские предшественники и преемники имели их сотни и тысячи³.

2. Возрождение муниципальных общин и курий.

Характерно, что именно в этой области Юлиану пришлось наиболее решительно столкнуться с интересами христианского духовенства, нарушение которых неизбежно должно было доставить ему репутацию отступника и гонителя. Желая поднять благосостояние муниципиев и укрепить экономическую мощь их курий, Юлиан законами от 13 и 15 марта 362 г. предписал вернуть городским общинам отнятые у них имущества — в том числе, конечно, и богатые владения уничтоженных христианами языческих храмов⁴ — и отменил привилегии христианских священнослужителей, освобождавшие их от

¹ Libanius. Orationes XVIII, 23.

² Julian. Epist. ad Themistium, 261 p.; Hertlein, p. 338.

³ Libanius. Orationes. II. 58.

⁴ Cod. Theodos. X, 3, 1: «Possessiones publicas civitatibus jubemus restitui».

¹ Ammian Mancellin, XXII, 4, 7.

² Ibid., XXVII, 3, 12.

несения куриальных повинностей. Вообще Юлиан неукоснительно пресекал попытки богатых и сановных людей выбывать из состава куриий. Из этого, повидимому, можно заключить, что и при Юлиане продолжалась характерная для эпохи домината политика закрепощения куриалов, но не нужно забывать, что христианские императоры руководились при этом интересами богачей, возлагая всю тяжесть куриального бремени на более слабые плечи, а Юлиан стремился возродить органы общинного самоуправления и энергично привлекал в них тех, кто имел возможность оказать своей общине наибольшую материальную помощь.

3. Защита мелких собственников и вообще слабых людей.

К мероприятиям данного порядка могут быть отнесены:

закон от 28 марта 362 г., отменявший привилегии крупных арендаторов государственных земель и способствовавший развитию мелкой аренды;

закон от 26 октября 362 г., установивший справедливое соответствие между доходами землевладельцев и их обязанностью нести издержки на охрану и ремонт общественных путей сообщения (следует заметить, что эта обязанность легла теперь и на христианское духовенство, которое раньше от нее было избавлено);

закон от 27 февраля 363 г., предписывавший облагать податью имущества только фактических, а не номинальных собственников; таким образом охранялись интересы тех, кто был вынужден лишаться своих владений, за счет тех, кто имел возможность приобретать чужие владения, нередко продолжавшие номинально числиться за прежними обладателями.

К приведенным законам можно добавить и гуманные акты гражданского права, которыми Юлиан пытался обеспечить положение женщины. Так, законом от 6 декабря 362 г. он запретил мужьям продавать имущество состоявших под их опекой жен без санкции судьи или общинного совета; закон от 13 декабря 362 г. охранял свободу женщины, желавшей стать женой раба; закон от 21 февраля 363 г. облегчал женщине возможность развода.

4. Заботы о правосудии.

Современники Юлиана дружно отмечают, что он стремился обеспечить максимальную тщательность и справедливость в деле суда. Аммиан Марцеллин, неоднократно заявлявший, что при Юлиане снова сошла на землю богиня справедливости (это не подхалимство, так как «История» Аммиана — подобно большей части свидетельств других почитателей Юлиана — была написана уже после смерти последнего!), влагает в уста языческого императора характерный вопрос, заключающий в себе строгое осуждение произвола его христианских предшественников: «*Ecquis innocens esse poterit si accusasse sufficet?*»¹ Юлиан требовал, чтобы каждое предъявлявшееся обвинение тщательным

образом доказывалось. Закон от 22 сентября 362 г. подвергал судебных работников штрафу в случае волокиты. Населению гарантировалось право апелляции; в законе от 18 декабря 362 г. мы находим по этому поводу следующие прекрасные слова: «*Nobis enim moderantibus rem publicam nullus audebit iudex provocationis perfugium jurgantibus denegare*»¹.

Смерть Юлиана искренно оплакивалась многими. В те годы, когда при его христианских преемниках имя Юлиана было предано проклятию, Либаний, Аммиан Марцеллин и другие приверженцы последнего императора-язычника писали о нем сими восторженные воспоминания. Юлиану был посвящен ряд надписей, в которых он, между прочим, провозглашается восстановителем и распространителем свободы — «*restitutor libertatis*», «*propagator libertatis*». По справедливому замечанию автора новейшей биографии Юлиана, Жозефа Бидэ, — «*en égard à la brièveté du règne de Julien, le nombre de ces inscriptions est impressionnant*»².

Интересно, что сочувственное отношение к Юлиану, естественное у упорных последователей язычества, разделялось и некоторыми из тех христиан, которых официальная христианская церковь считала еретиками. По признанию Августина, африканские донатисты утверждали, что вместе с Юлианом в Римской империи умерла справедливость: «*...hoc in ejus laude posuistis, quod apud eum sola justitia locum haberet*»³.

Часто Юлиана называют реакционером, поскольку он стремился восстановить прошлое, сознательно смотрел не вперед, а назад. Но прошлое идеализировали и братья Гракхи, и Жан-Жак Руссо, и некоторые утописты. Вдохновляясь призрачными, отжившими идеалами, Юлиан вел борьбу против очень реального зла, от которого жестоко страдала значительная часть его современников. Вот почему эксплоататорские элементы поздней империи не задумались предъявить Юлиану, казалось бы, заведомо парадоксальное обвинение: этот глубоко принципиальный консерватор был заподозрен не более, не менее, как в желании совершить мировой переворот — опрокинуть все вверх дном «*ὅτι παρ' ἐμὲ τὰ τοῦ κόσμου πρᾶγματα ἀνατέτροπται*»⁴.

Со злобою вспоминая Юлиана, «сильные люди» (*potentes*) не могли простить ему попытки сломить их надменность и трепетали при мысли о возможности повторения подобного «*Metu ne ita ut Julia-*

¹ («Поскольку мы заинтересованы в исцелении общественных недугов, пусть ни один судья не посмеет впредь отказывать тяжущимся в их правах на апелляцию.») Ccd. Theodos. XI, 30, 30.

² Bidez J. La vie de l'empereur Julien. Paris, 1930 p. 393.

³ Augustinus. Contra litteras Petilianas, II, 92.

⁴ Julian. Misopogon, 360. D. Hertlein, p. 465.

ni temporibus defensione innocentiae respirante, Trangenetur potentium tumor»¹.

Ненависть, которую постоянно питали и продолжают питать к Юлиану представители эксплуататорских классов, разумеется, может лишь живее пробудить в нас симпатию к нему. И с полным удовлетворением мы перечитываем надпись, сделанную на его скромной могиле в Тарсе:

Ιουλιανὸς μετὰ Τίγριν ἀγαρροὺν ἐνθάδε κείται, Ἀμφότερον βασιλεὺς τ' ἀγαθός, κρατερὸς τ' αἰκμητῆς².

(Здесь погребен Юлиан, возвратившийся с быстрого Тигра.

Был государем он добрым, а также могучим бойцом!)

Н. Н. Розенталь

КНИГИ И ЛЮДИ

И. Ю. Крачковский. **Над арабскими рукописями.** Научно-популярная серия АН СССР. М.—Л., 1945, 117 стр. + 2 не нум. + 5 таблиц на отд. листах. Цена 6 р. 50 к.

Весною текущего года в серии «научно-популярной литературы» АН СССР появилась книга нашего крупнейшего ориенталиста — арабиста академика И. Ю. Крачковского, озаглавленная «Над арабскими рукописями». «В работах по истории науки,— пишет И. Ю. Крачковский,— при составлении био-библиографического словаря наших арабистов, меня всегда очень затрудняло то, что ученые редко говорят о себе, о своем внутреннем развитии, о том, что они переживали при той или иной работе, как они сделали какое-нибудь открытие. Представители точных наук в этом отношении счастливее нас — филологов: у них есть блестящая книга акад. А. Е. Ферсмана «Воспоминания о камне». Значение ее очень велико: об этом говорят не только повторные издания, но и тот живой отклик, который она вызвала во всех концах нашей страны, широким образом содействуя пропаганде науки, поддерживая высоко научный энтузиазм у тех, кто к ней прикоснулся. «В мыслях у меня вместо камней всегда стояли рукописи — основной источник и материал нашей работы; так давно уже определился сам собой стержень будущей книжки» (стр. 112).

Приведенная цитата настолько полно раскрывает органическую близость между работой И. Ю. Крачковского и книгой А. Е. Ферсмана, что вряд ли нуждается в каких-либо комментариях. Обе книги являются производственными автобиографиями ученых, столь необходимыми для прогресса самой науки. Общей для них является и форма, в которую влиты воспоминания о «внутреннем развитии». По существу являясь рассказом о жизни в науке, оба мемуарных произведения, естественно отходят от обычной, принятой в мемуарах формы, так сказать, «безыскусственного» описания, неизбежно связанного со строгой хронологической последовательностью. Основным стержнем, вокруг которого объединяется материал, служит

не внешняя, хронологическая, последовательность, а тема. Такая особенность построения материала вынуждает автора прибегать к приемам изложения, близким литературно-художественному произведению. Без преувеличения можно сказать, что в этом отношении книги А. Е. Ферсмана и И. Ю. Крачковского начали новый оригинальный жанр, в одинаковой мере достойный внимания историка науки и литературоведа.

Наглядной к тому иллюстрацией является литературный план «Над арабскими рукописями». Книга делится на пять глав: I. «В Рукописном отделе» (Публичная библиотека в Ленинграде); II. «Из скитаний по Востоку»; III. «В Азиатском музее» (современный Институт востоковедения АН СССР); IV. «В университетской библиотеке»; V. «На ловца и зверь бежит». Каждая глава включает несколько подглав-рассказов, разных по размеру, но объединенных общностью основного заголовка. Книга начинается введением («Прелюдия») и имеет заключение («Финал. Requiem aeternam»), рассказывающее об истории написания произведения. К книге добавлены примечания и объяснения арабских слов, встречающихся в тексте.

Говоря о сходстве упомянутых книг, мы имеем в виду, конечно, только общность научно-литературного жанра. В остальном книга И. Ю. Крачковского представляет вполне оригинальное, самодовлеющее явление. Среди обширной мемуарной литературы раздел, где авторами являются ученые, наименее обширен. Но и в этом сравнительно небольшом разделе имена филологов особенно редки; люди, посвятившие весь труд своей жизни слову, очевидно, редко находят слова для самих себя. И трудно не согласиться с автором рецензируемой книги, что «великое счастье ученого — процесс научного творчества одинаково дорог и тому, кто стоит у реторты в лаборатории, и тому, кто вглядывается в строки рукописи на столе» (стр. 5). Книга «Над арабскими рукописями», насколько мне известно, единственная в мировой литературе, с такой исчерпывающей полнотой вводящая читателя в филологическую «лабораторию», не менее сложную и достойную внимания, чем лаборатория естествоиспытателя.

С этой точки зрения название книги, отвечающее основному ее содержанию, все же носит несколько ограничительный характер. Неизбежно, по самой своей тематике, трактуя главным образом сюжеты арабской филологии, книга И. Ю. Крачковского с той же неизбежностью, как всякое произведение, резюмирующее большую плодотворную работу в науке, не может не касаться вопросов общей филологии и тем более общих вопросов — человеческой культуры и благородных ее идеалов. «Вспоминая свои переживания над рукописями,— говорит автор,— я не мог не говорить о том, как малейшая деталь работы здесь связывается с широкими вопросами истории культуры, как все в конечном итоге вливается в мощное движение на пути к высочайшим идеалам человечества» (стр. 4).

¹ Ammian Marcellin, XXX, 4, 1.

² Zosimus. Historia nova, III, 34, 7.

Автор, сорокалетний юбилей научной деятельности которого лишь недавно был широко отмечен советской общественностью, прошел долгий и славный путь в науке, — от студента Восточного факультета Петербургского университета «в начале века» до крупного ученого, научные заслуги которого признаны наиболее выдающимися специалистами нашего времени. Ученик корифеев русской дореволюционной ориенталистики и арабистики, глава современного литературоведения в области арабской литературы, создатель школы и учитель советских арабистов. И. Ю. Крачковский сделал более, чем кто-либо из современных ориенталистов, для истории науки; принадлежащие его перу монографии, обзоры и исследования по истории русской и международной арабистики закладывают прочный фундамент для создания истории востоковедения в нашей стране.

В своей книге «Над арабскими рукописями» ученый впервые выступает не как исследователь, а как свидетель и участник интенсивной деятельности нашей отечественной науки в области изучения языка, истории, литературы и культуры арабских стран за последние 40 лет. В основе всех рассказов-очерков, составляющих содержание книги, лежит большая исследовательская работа, в свое время выраженная в монографиях и статьях, получивших широкий отклик у нас и за границей. Каждый из рассказов-очерков вносит нечто новое.

Являясь мемуарным и специальным дополнением к ученым трудам, эта книга вместе с тем представляет самый непосредственный интерес и для читателя, неискушенного в специальных вопросах. Несомненно особый интерес этой книги для ориенталистов. В живых и изящных рассказах-очерках отражена история востоковедной деятельности автора, начиная с того времени, когда будущий академик еще студентом первого курса Восточного факультета вступил в «серьезные залы» Рукописного отдела Публичной библиотеки. Рукописный отдел, рассказывает автор, «всегда был и остался редкой школой; сюда мы робко входили юными студентами, здесь создавались наши первые работы и через десятки лет мы, уже поседев, все продолжали приходить сюда учиться со своими учениками, и направляли сюда учеников, своих учеников» (стр. 5). Новозаветный апокриф в арабской рукописи IX ст., виртуозный каллиграфический отрывок, выполненный в Петербурге прошлого столетия талантливым арабом-эмигрантом, редкий список произведений средневекового арабского поэта, сыгравший столь значительную роль в научной жизни самого автора книги, — не перечислить всех сокровищ, которые хранятся в шкафах среди «высоких, немного суровых стен библиотеки».

Публичная библиотека в Ленинграде, Азиатский музей, в котором «давно уже музейного было мало, а хранились только книги и восточные рукописи», университетская библиотека с окном, выходящим

«в университетский сад, зимою закутанный белой и плотной пеленой ослепительного и чистого снега, нависавшего на ветвях, летом и осенью с густой зеленью, на которой спокойно отдыхал глаз» (стр. 57), библиотека Университета св. Иосифа в Сирии, египетские библиотеки, так называемая «хедивская», ал-Азхар и Ахмеда Теймура, известные европейские собрания рукописей, в конце концов их очень немного этих востоковедных арабистических центров, где, без преувеличения можно сказать, прошла большая часть жизни автора. Мудрено ли, что каждое из этих учреждений, разнившихся и по внешней обстановке и по внутреннему распорядку, описано с такой нежностью, как описывают родной и любимый дом. Многие из этих описаний настолько пластичны, что, порождая чисто художественную эмоцию, запоминаются сразу и навсегда.

Но вместе с тем это — не интерьеры: библиотечные шкафы и хранящиеся в них рукописи живут не сами по себе. Они живут жизнью думающих о них и действующих среди них людей. «Обширен «эллизиум теней» и старших и младших поколений за два века в нашей арабистике, начнешь их считать и, как при счете звезд на небе, встают все новые и новые. Они много сделали для рукописей и книг; только книга может сохранить память о них» (стр. 110). И книга И. Ю. Крачковского — это прежде всего повесть о людях науки или людях, оживленных силой этой науки.

«Книги вводили меня в новый мир, — рассказывает автор, — и показывали мне людей легче и быстрее, чем это удавалось сделать мне самому с каким-то усилием при непосредственном наблюдении... Так книги не первый уже раз в моей жизни вступали в борьбу с людьми. Победа осталась за ними и победа эта, думалось мне, была окончательной. Жизнь, однако, научила меня, что людей нельзя отделять от книг; книги опять привели меня к людям и только тогда я понял по-настоящему историю нашей науки» (стр. 19).

Как поразительно близки приведенные автобиографические строки такому же признанию А. Е. Ферсмана. «Я проходил мимо людей, — рассказывает он в «Воспоминаниях о камне» (2-е изд., стр. 27—28), — меня называли часто сухим, бесчувственным. Годы шли, лучшие, молодые годы, а люди оставались как-то вне моего жизненного пути... И вот сейчас, когда в моей голове постепенно проходят воспоминания прошлого... вот сейчас только начинаю я понимать, какую огромную роль в моей жизни сыграли именно люди, как тесно сплетались они со всеми переживаниями, как именно они, часто совершенно незаметно, руководили мыслями, поступками и желаниями. Я начинаю понимать, что человек в его борьбе, во всем величии его победы над природой являлся, в сущности, центром прошлого, а не камни».

Книга И. Ю. Крачковского прежде всего — подлинный гимн человеческому знанию, науке... Совсем молодым магистрантом, в 1906 г., рассматривал он в Публич-

ной библиотеке рукопись апокрифа, где Сатана беседует со смертью,— и вот через год И. Ю. Крачковский уже бродит около Мертвого моря и ночует в монастыре святого Саввы. Перед ним возникают образы из поэмы А. К. Толстого «Иоани Дамаскин»,— «ведь здесь Дамаскин посадил пальму, и потомок ее, единственный в этой местности, и теперь осеняет небольшую площадку,— рассказывает Игнатий Юлианович. Может быть под этой пальмой «Авва Антоний багдадский» и писал в 885 году рукопись, конец которой бережно хранит в 20-м столетии Рукописный отдел нашей библиотеки» (стр. 6—7).

В 1932—1933 гг. в Таджикистане, на горе Муг, экспедиция Академии Наук открыла документы на согдийском, арабском и китайском языках. Так снова был возвращен к жизни согдиец Дивасти, свыше тысячи двухсот лет тому назад смело

сопротивлявшийся в своей таджикостанской твердыне завоевателям-арабам. Современник грозного Хулагу-хана историк Кемаль ад-дин, спутанный каталогом с одноименным иранским каллиграфом более позднего времени, и бейрутский профессор Люис Шейхо, ставший невольным соперником автора в соблазнительном предприятии опубликовать малоизвестную рукопись, лоцман Васко да Гамы и близкие знакомцы, учителя, товарищи автора, все они одинаково живо, любовно и бережно отражены на страницах книги. Не важно, что их отделяют друг от друга столетия и тысячелетия.

Книга И. Ю. Крачковского достигает поставленной автором цели: она — и содействует пропаганде науки, и высоко поддерживает научный энтузиазм.

Б. Н. Заходер

ХРОНИКА

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

В Институте философии

В сентябре 1945 г. в Институте философии Академии Наук СССР состоялось расширенное заседание ученого совета, на котором директор Института философии и права Академии Наук Азербайджанской ССР проф. А. О. Маковельский сделал доклад на тему «Основные этапы развития азербайджанской философии».

Проф. Маковельский делит историю азербайджанской философии на четыре периода. Памятником первого периода явилась «Авеста», хорошо известная историкам античной философии. Философские идеи «Авесты» возникли в связи с разложением родового строя и зарождением рабовладельческого общества.

Второй, продолжительный период азербайджанской философии с VII до XIX в. имел два основных течения: во-первых, в Азербайджане развивается аристотелизм в арабской переработке, во-вторых, суфизм, т. е. восточная ветвь неоплатонизма с примесью индийской философии. Эти два течения то борются между собой, то в отдельные моменты сливаются воедино. Главные представители философской мысли Азербайджана этого периода — мыслитель XI в. Бахманяр, ученик Авиценны, поэт Низами (XII в.), поэт и философ Насими (XIV в.) и Физули (XVI в.).

Третий период развития азербайджанской философской мысли охватывает XIX в., когда в феодально-патриархальном Азербайджане вырастает промышленный центр Баку и Азербайджан приобщается к русской культуре. Первым просветителем Азербайджана, боровшимся за культурное сближение с Россией и Западной Европой, был Бакиханов. Центральная фигура просветительной и революционно-демократической мысли Азербайджана XIX в. — поэт и мыслитель Мирза Фатали Ахундов, о котором русский читатель знает из ряда статей проф. Гуссейнова и других авторов, печатавшихся на русском языке.

Последний, четвертый, этап в развитии азербайджанской философии начинается с того момента, когда в Закавказье возникают большевистские организации и начинается распространение марксистских идей. Исключительного подъема марксистская мысль в Азербайджане достигла за годы Советской власти.

Доклад проф. А. О. Маковельского собрал многолюдную аудиторию, вызвал большой интерес и живой обмен мнения-

ми. Особенно интересно было выступление действительного члена Академии Наук Грузинской ССР проф. Нуцубидзе; он указал на трудности, которые стоят перед создателями истории азербайджанской философии и с которыми он сталкивался в своей многолетней работе над историей философской мысли в Грузии, развивавшейся параллельно Азербайджану и в родственных социально-экономических условиях. Проф. Нуцубидзе подчеркнул особенность и сложность задач, которые стоят перед учеными, исследующими развитие философской мысли малых народов, и указал, что историю национальной философии необходимо изучать в связи с историей общественной мысли близких народов.

Закрывая заседание Ученого совета, зам. директора Института философии член-корр. АН СССР С. Л. Рубинштейн отметил, что доклад проф. Маковельского о началах разработки истории азербайджанской философии является уже не первым докладом по истории философии народов СССР, который ставится на Ученом совете Института. Обсуждение всех этих докладов по истории армянской, грузинской и азербайджанской философии является подготовительной работой по созданию специального труда по истории философии, посвященного истории философии народов СССР.

Ученый совет принял постановление о созыве совещания, посвященного разработке истории философии народов СССР, и об установлении тесного контакта в работе институтов философии АН СССР и Института философии и права АН Азербайджанской ССР.

Якутская антропологическая экспедиция 1945 г.

За последние 20 лет советскими антропологами собран очень большой материал по антропологии населения Сибири и Севера. Здесь следует назвать многолетние экспедиционные работы покойного антрополога А. И. Ярхо на Алтае и в Хакасии, работы Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова по антропологии манси (вогулов) и хантов (остяков), антропологическое обследование кетов и селькупов, впервые осуществленное Г. Ф. Дебецом в 1941 г. Ненцы исследовались Н. Н. Чебоксаровым и С. А. Шлугером; эвенки (тунгусы) Северного Прибайкалья.

ламуты и тунгусы Охотского побережья были обследованы Я. Я. Рогинским и М. Г. Левниным; материалы по антропологии народностей Амура были собраны А. Н. Покровским и А. М. Золотаревым и обработаны М. Г. Левниным. Буряты изучались Я. Я. Рогинским.

Работающий в настоящее время на Чукотском полуострове рекогносцировочный отряд Чукотской комплексной экспедиции Института этнографии (руководитель Г. Ф. Дебеч) произвел первое детальное антропологическое исследование чукчей и азиатских эскимосов.

Белым пятном на антропологической карте нашего Союза до настоящего времени оставалась огромная территория, заселенная якутами. В антропологическом отношении якуты были почти совершенно не изучены; старые работы Н. Л. Геккера и И. И. Майнова, насчитывающие почти 50-летнюю давность, основаны на очень небольшом количестве обследований и давно устарели по своей методике.

Замечательные археологические работы А. П. Окладникова, впервые вскрывшие на территории Якутии ряд культур, начиная с палеолита, историко-этнографические исследования С. А. Токарева и др. по-новому поставили вопрос об этногенезе якутов, разрешение которого настоятельно требовало солидных материалов по антропологии. Восполнить этот пробел и предстояло Якутской антропологической экспедиции (руководитель М. Г. Левин).

Экспедиция была организована Институтом этнографии совместно с Якутским институтом языка, литературы и истории (директор Т. А. Шуб) и работала в Якутии в течение июля—сентября 1945 г. Благодаря содействию Якутского обкома ВКП(б) и СНК ЯАССР удалось в сравнительно короткий срок обследовать по обширной программе около 800 якутов разных районов.

Работа производилась в г. Якутске и в районах — Чурапчинском, Таттинском и Намском.

Материалы экспедиции в настоящее время находятся в обработке, но уже сейчас можно указать на основные результаты обследования.

Собранные материалы позволили установить преобладание среди якутов антропологического типа, характеризующегося,

наряду с основными признаками так называемой центральноазиатской расы (очень слабый волосистой покров, сильное развитие складки верхнего века, большой процент эпикантуса, очень высокое и среднеширокое лицо), такими особенностями, как сравнительно высокое переносье, хорошо очерченный нос с выпуклой костной спинкой, несколько меньшее выступание скул, сравнительно сильно наклонный лоб и развитое надбровье. Этот тип должен найти свое место в расовой систематике Северной Азии. Наряду с этим численно доминирующим типом, среди якутов выступают, по крайней мере, еще два антропологических типа: один, составляющий небольшой процент среди обследованных — близкий к так называемому палеосибирскому типу, характерному для некоторых групп тунгусов и ламутов, и другой, характеризующийся такими признаками, как очень смуглая кожа, толстые губы, слабая горизонтальная профилировка лица, низкое переносье, слабо выступающий нос, выраженная монголоидность глазной области, прямой лоб, слабое надбровье — признаками, сближающими этот тип с южномонгольской (южноазиатской) расой.

В целом якуты по своему антропологическому типу обнаруживают наибольшее сходство с бурятами, среди которых обнаруживаются все указанные антропологические компоненты, возможно, правда, в ином численном соотношении.

Работы 1945 г. имели рекогносцировочный характер. В 1946 г. предполагается продолжать работы и охватить население бассейна Вилюя и верхоянских якутов, чтобы получить данные для антропологической характеристики якутов разных районов.

Очередной задачей является изучение родоплеменного состава населения Оленекского, Анабарского, Вилюйского и Жиганского районов, которое изучено крайне недостаточно. Эти работы включены в план Якутского научно-исследовательского института.

Участники экспедиции М. Г. Левин и Б. О. Долгих приняли участие в работах Якутского института, выступали с докладами на заседаниях научной сессии и Ученого совета Института, прочли ряд научно-популярных лекций в г. Якутске и в районных центрах.

ОСНОВНЫЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ В 1946 г.

17 октября 1945 г. состоялось заседание Отделения истории и философии Академии Наук СССР, на котором были детально обсуждены планы учреждений Отделения на 1946 г. в той части, в какой они должны войти в общеакадемический план научно-исследовательских работ.

В плановые предположения, принятые Отделением истории и философии, неизбежно войдут работы, предусмотренные общеакадемическим планом научно-исследовательских работ истекшего года для про-

должения или завершения в 1946 г. Среди них крупные коллективные труды, готовящиеся на протяжении ряда лет: «История Москвы» (Институт истории), «История философии» (Институт философии), «Народы мира» (Институт этнографии), «Революция 1848 г.» (Институт истории), «История Академии Наук» (Комиссия по истории АН). В частности, по истории Москвы предусмотрено составление очередного — III тома этого издания, посвященного периоду 90-х гг. XIX в. по Великой

Октябрьской социалистической революции. По «Истории философии» намечена подготовка V тома, имеющего своим содержанием историю русской философии. III том этого труда, включенный в план прошлого года, должен быть полностью подготовлен к печати в 1946 г. Из подготовляемого Институтом этнографии много томного издания «Народы мира» по плану 1946 г. намечены тт. I, II, VIII (тт. III, IV, V, VI и IX закончены, они входили в план предыдущих лет). Комиссия по истории Академии Наук готовит труд о деятельности Академии Наук в годы Великой отечественной войны.

Из индивидуальных работ, продолжающихся в 1946 г., в план включаются: работа академика Е. В. Тарле «Внешняя политика России при Екатерине II», «История Польши», т. III (1863—1939 гг.) члена-корр. АН СССР В. И. Пичета, монография проф. Е. М. Жукова «Основные послевоенные проблемы на Тихом Океане». В группу продолжающихся работ входят труды «Древнейшее население Восточной Европы и проблема происхождения славян», «Этногенез славян в свете данных антропологии», «Археологическое изучение древнерусских и античных городов». Наряду с этим будут продолжены большие археологические, этнографические и антропологические экспедиции, как Хорезмская, Чукотская, Старо-Ладожская.

Победа над Германией и Японией и переход к работе в мирной обстановке дают возможность поставить на очередь некоторые работы, прерванные войной. Из них в общеакадемический план Отделения «История СССР» (IX—XVI вв.), который охватит всю историю народов СССР с самых древнейших времен до наших дней. Все издание рассчитано на 10 томов. В плане предусмотрен также первый том коллективного труда «Философия современного естествознания», задуманный в связи с 30-летием выхода в свет работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Этот труд должен явиться опытом философского обобщения успехов современного естествознания. В первый том, который будет подготовлен под редакцией академиков С. И. Вавилова и А. М. Деборина, войдут работы по проблемам астрономии, физики, химии и других наук о неорганической природе.

Из новых индивидуальных работ в план включены труды: члена-корр. АН СССР И. И. Минца о Великой Октябрьской социалистической революции, акад. Б. Б. Грекова по Истории Галицко-Волынской Руси, отвечающей естественному интересу к прошлому Западно-Украинских земель, члена-корр. АН СССР С. Б. Веселовского о русском феодальном землевладении в XIV—XVI вв., доктора исторических наук Э. Б. Генкиной о восстановительном периоде и образовании Союза ССР, члена-

корр. АН СССР А. Ю. Якубовского о великом завоевателе Тимуре и истории среднеазиатских народов его времени, проф. Т. С. Пассек о трипольской культуре; I т. монографии акад. И. Э. Грабаря о В. А. Серове и члена-корр. АН СССР В. Н. Лазарева о выдающемся деятеле византийского и русского искусства XIV в. Феофане Греке; работы проф. А. Я. Губера «Борьба держав за страны Юговосточной Азии и А. С. Перевертайло об особых районах Китая. Большинство перечисленных работ основано на многолетних исследованиях.

Новый коллективный труд большого принципиального значения «Проблема сознания и учение об основных закономерностях познавательного процесса» включен в план организованного в 1945 г. Сектора психологии Института философии. Наряду с психологами в создании этого труда примут участие и биологи.

Организованный в 1945 году Институт истории естествознания должен подготовить в 1946 г. в серии классиков русского естествознания труды известного русского физика П. Н. Лебедева. Из монографических исследований, которые будут подготовлены в институте, в план внесено исследование проф. Б. Е. Райкова «Предшественники эволюционной теории в России в XVIII—XIX вв.».

В 1946 году Отделение предполагает значительно расширить сеть своих экспедиций, сократившихся в условиях военного времени. Из новых экспедиций в общеакадемический план включается, наряду с начатой в конце 1945 года Балканской археолого-этнографической экспедицией, Согдийская археологическая экспедиция и Саяно-Алтайская археологическая экспедиция с тувинским и алтайским отрядами.

Планы изданий

На заседании Бюро Отделения истории и философии 15 октября 1945 года рассматривались издательские планы институтов Отделения на 1946 г., доложенные руководителями институтов. В связи с ростом научной продукции значительно увеличилось заявки научных учреждений на выпуск в свет научных трудов как через Издательство Академии Наук СССР, так и через другие издательства.

Так например, по истории СССР предложено сдать в печать до 400 печ. листов, по истории Византии около 100 печ. листов, по истории искусств более 400 печ. листов, по Институту истории материальной культуры им. Н. Я. Марра около 600 печ. листов и т. д.

Бюро Отделения истории и философии представило издательский план в Редакционно-Издательский Совет Академии Наук. После утверждения план будет опубликован в органе Отделения.

Исписано к печати 15 XI 1945 г. Печ. л. 6. Уч-изд. л. 9
А22352. Тираж 1000

Цена 6 руб.

Зак. 885

Типография Издательства Академии Наук СССР.
Москва, Шубинский пер., 10

Цена 6 руб.